
ТРАКТОВКА ЗАГЛАВИЯ ТРАКТАТА ЛЮ СЕ «ВЭНЬ СИНЬ ДЯО ЛУН» (V—VI ВВ.)

Л.В. Стеженская

ИСАА МГУ

ул. Моховая, 11, Москва, Россия, 125009

В статье рассматривается проблема перевода заглавия средневекового трактата по теории литературы «Вэнь синь дяо лун» (V—VI вв.) Лю Се (465—622 гг.). В зависимости от интерпретаций различных исследователей трактат каждый раз получает новое заглавие, которые не всегда соответствуют строю древнекитайского и русского языков (или другого европейского языка перевода), к тому же не всегда корректно отражает философские идеи автора трактата.

Ключевые слова: «Вэнь синь дяо лун», Резной дракон литературной мысли, Лю Се, китайская поэтика, китайская литература.

Название раннесредневекового китайского трактата «Вэнь синь дяо лун» (V—VI вв.) Лю Се (465—522) по-русски обычно трактуется в одно предложение — первый бином является определением ко второму. Наиболее часто встречающийся перевод трактата — «Резной дракон литературной мысли». Однако существуют и другие варианты: «Дракон, изваянный в сердце письмен», «Дракон, изваянный в сердце словес», «Сердце словесности и ваение драконов». Проблема перевода заглавия памятника носит двоякий характер: во-первых, название должно наиболее близко подойти к отражению идеи автора, во-вторых, должно соответствовать традиции и строю языка перевода, не теряя при этом точности. Указанный нами наиболее привычный вариант с утилитарной точки зрения вполне приемлем. Он учитывает русскую (и европейскую) традицию перевода заглавий, в которой они чаще всего выступают в виде назывных предложений. Кроме того, этот перевод уже прижился, выполнив свою историческую роль — поименовать конкретное сочинение конкретного автора.

Вэнь синь — литературная мысль

Объяснение заглавия трактата дается в первом параграфе послесловия трактата [1. С. 1898—1899]. Приведем здесь перевод этого параграфа: «Литературное сердце значит использование сердца для литературы. В прошлом [были книги] „Сердце цитры“ („Цинь синь“) Цзюань-цзы, „Сердце мастерства“ („Цяо синь“) Вансуня. О как прекрасно [слово] „сердце“! Поэтому и использовал [я] его здесь [в названии]. Изящные писания с древности воплощались в резной отточенности. [Поэтому я] покусился [на слова] „резной дракон“, [использовавшиеся во] множестве речей [в качестве прозвища] Цзоу Ши» (1).

Этот параграф имеет заметную структурную особенность. В китайском тексте после служебной частицы *фу* (夫), открывающей предложение, идет первая часть названия трактата — *вэнь синь* (литературное сердце), а заканчивается параграф второй частью названия — *дяо лун* (резной дракон), после которой следует конечная частица *е* (也), довольно часто оформляющая именное предложение. Если чи-

тать только начало и конец параграфа, мы получим примерно такое предложение: *Литературное сердце — это резной дракон*. Обе части названия вводятся словом *янь* (говорить, здесь: называть). В то же время внутри этого отрывка есть противопоставление прошлого (*си*) и древности (*зу*). Такая двучастность композиции является особенностью стиля параллельной прозы. С другой стороны, именно на фоне такой параллельности развернутость объяснения относительно *литературного сердца* (*вэнь синь*) явно контрастирует с краткостью объяснения относительно *резного дракона* (*дяо лун*). Логически рассуждая, следует считать, что сочетание *вэнь синь* для современного читателя воспринималось несколько ново, поэтому и требовало более подробного объяснения, тогда как сочетание *дяо лун* было у всех на слуху и не требовало детального обоснования.

Лю Се объясняет, что под *вэнь синь* он понимает «использование сердца» или «используемое сердце» «для литературы» или «при создании литературы». «Использование сердца» несомненно говорит об определенном желании автора выделить литературу-*вэнь* в отдельную область деятельности. Однако здесь нет достаточных оснований считать, что литература-*вэнь* является естественным результатом деятельности сердца. В китайском языке *сердце* — это и душа и ум. Сочетание «использовать сердце» (*юн синь*), скорее, подчеркивает именно волевое направление ума на какую-то деятельность — замысел, цель, усердный, внимательный, обращать внимание, заботиться, печься о чем-то [2. Т. 3. С. 214]. В таком значении сохранился этот бином и в современном китайском языке [3. С. 1093], но примерно в том же значении он всегда употреблялся и в древних, и в средневековых текстах. Обычно говорится, что некто должен *стараться, отдавать все силы* (*юн синь*), выполняя определенную задачу [4. С. 210]. Сердце может быть и естественным источником чего-то. Но в этом случае вместо «орудийного» глагола или предлога *юн* (*использовать*) применяется «творительный» глагол или предлог *ю* (由, *исходить*).

В подкрепление идеи естественности происхождения *вэнь* из сердца комментаторы и исследователи обычно указывают на сходное выражение из «Оды изящному слову» («Вэнь фу») Лу Цзи (261—303):

余每觀才士之所作，竊有以得其用心。夫放言遣辭，良多變矣，妍蚩好惡，可得而言 [5. С. 415].

I have often studied the works of talented men of letters and thought to myself that I *obtained some insight* into their minds at work. The ways of employing words and forming expressions are indeed infinitely varied. But, accordingly, the various degrees of beauty and excellence can be *distinguished* from what is common and weak [6].

Каждый раз, когда я наблюдаю, что написано талантливыми мужами, мне, недостойному, случается *определить*, что они *использовали сердце*. Имеется много способов, как поставить слова и разместить фразы, но можно *понять* и сказать, что прекрасно, а что убого; что нравится, а что нет (2).

Как видим, и здесь речь не идет о творении «из сердца». Напротив, далее Лу Цзи предлагает на примере мастеров прошлого показать, *как* они достигали

своих выдающихся результатов, т.е., по сути, на что *обращали внимание*. Английский перевод в этом случае остается «удобно двусмысленным», так как слово *mind* покрывает значения как *внимания*, так и *ума*.

Дяо лун — резной дракон

Все трудности в понимании присутствия слов «резной дракон» в названии труда Лю Се так или иначе проистекают из твердо усвоенной оценки, что автор был противником «украшательства» и, следовательно, не должен был бы заимствовать уподобление литературного сочинения «резному дракону». В таком ключе обычно и читается соответствующая фраза из послесловия трактата Лю Се:

古來文章，以雕繡成體，豈取騶奭之群言「雕龍」也！ [1. С. 1899]

С древности литературные произведения достигали своего вида за счет богатого убранства, разве взять (т.е. разве *можно* взять — Л.С.) [слова] «резной дракон» многочисленных речей Цзоу Ши?!

Трудность вызывает трактовка последней части фразы **豈取騶奭之群言雕龍也**, а трудность трактовки состоит в наличии здесь служебного наречия **豈**, которое должно вводить риторический вопрос. Риторичность такого вопроса должна означать, что слова «резной дракон» на самом деле никак не подходят для названия трактата Лю Се. Такая модальность очень приветствуется многими исследователями, которые усиленно противопоставляют Лю Се — поборника содержательности современным ему и прошлым сторонникам «украшательства» в литературе, одним из которых якобы и был Цзоу Ши. В вину последнему ставится упомянутое Лю Се «велеречие» (*цюнь янь* 群言), которое якобы и представляет собой «резного дракона» Цзоу Ши. Однако, во-первых, слова «резной дракон» стоят в названии трактата и, во-вторых, в предыдущей фразе говорится, что «узорочье» (*дяо жу* 雕繡) давно стало существом (*чэн ти* 成體) литературы (*вэнь чжан* 文章). Если отказаться от указанной предвзятости в оценке целей Лю Се и просто следовать логике его текста, то здесь более подходящим был бы риторический вопрос с отрицанием — «Почему бы не взять?» Тогда Лю Се не противопоставлял бы себя «украшателю» Цзоу Ши. Более того, судя по месту модификатора определения *чжи* 之 едва ли «велеречие» определяет стиль Цзоу Ши. Бином *цюнь янь* (群言) подчеркивает не столько много-, сколько разноголосие, т.е. принадлежность речей различным школам, различие мнений. И эта разноголосица в оценке Цзоу Ши сливается в единое суждение, что он «резной дракон». Однако отрицания в предложении нет.

Следующая формальная трудность состоит в том, что нейтральная конечная частица **也** должна здесь выполнять не очень характерную для нее вопросительную функцию, т.е. она заменяет ожидаемую в таком положении отличающуюся как по чтению (второй тон вместо третьего), так и по написанию частицу *e* 邪 (или 耶). Да и в тексте трактата нигде больше такой замены нет. Поэтому, напри-

мер, китайский филолог Ли Цинцзя (1933—1985) предложил считать, что частица *ци* 豈 выступает здесь не в обычной функции риторического вопроса, а является показателем другой модальности — предположения, т.е. зачин фразы должен звучать примерно так: «А не взять ли...?» Но и это объяснение не снимает логических неувязок всего отрывка. Зачем предполагать, когда название уже дано самим же автором?!

Другая точка зрения была выражена известным китайским филологом Ван Лици (1912—1998). Он обращает внимание на то, что 豈 может выступать заменой (фонетической заменой или разнописью) другого иероглифа. Такая замена была отмечена танским комментатором «Литературного сборника» («Вэнь сюань») (3) Ли Шанем (630—689). В этот сборник, составленный под эгидой наследного принца южно-китайской династии Лян (502—557) Сяо Туна (501—531), входит стихотворение Цао Чжи (192—232), в котором *ци* 豈 выступает заменой для иероглифа *ци* 冀 (*мечтать*), который, в свою очередь, может быть заменой для *ци* 凱 примерно с тем же значением. Ли Шань в своем комментарию опирался на указание древнего учебника китайской иероглифики «Цан цзе» (в буквальном переводе «Зеленая мифическая собака-цзе», хотя возможны и другие трактовки заглавия), по-видимому, составленного Ли Сы (280—208 до н.э.). Ли Сы же отметил такую замену в тексте, ныне входящем в состав «Ли цзи» («Записки о ритуале») — вторая часть главы «Тань гун» (буквально «Сандаловый лук», но скорее всего, «Крепкий лук»).

Суть замены 凱 на 豈 очевидна — второй иероглиф написан без ключа. Хорошо известно, что по тому же самому принципу 豈 довольно часто выступает заменой для иероглифов 凱 и 愷, которые, по сути, являются вариантами написания одного и того же знака, так как имеют идентичное звучание *кай* и один и тот же смысл — *возвращаться с победой, радость* по поводу такого возвращения. Поэтому возможно прочесть сочетание 豈取 как 凱取 или 愷取 — *взять с радостью* или *взять, одержав победу*. Возможность такого прочтения подтверждается наличием устойчивого сочетания *кай фу* 凱復 — вернуть себе что-то в результате победы. Помимо этого, в качестве замены для 豈 может выступать иероглиф *ци* (первый тон) 幾, хорошо известный по современному слову *циху* 幾乎 (*почти*). Если предположить обратную замену, то 豈取 можно прочесть как 幾取, т.е. *взять в качестве другого близкого*. В обстоятельственной функции *ци* означает *приближаясь* или *недалеко отстоя друг от друга* (4). Кроме того, и сам иероглиф 豈, рассматриваемый не как служебное слово, а как значимое наречие, скорее всего, должен быть связан с альтернативностью или даже противоположностью выбора. Однако мы не знаем случаев такого употребления этого служебного слова. Предположив замену иероглифов и опираясь на строй последней фразы параграфа,

можно допустить, что Лю Се сказал, что альтернативным или другим названием его трактата будет «Резной дракон». Отметим, что «равноправие» обеих частей заглавия трактата подчеркнуто в обратном порядке их следования в последнем переводе этого источника на английский язык Ян Гобиня [7].

Выше мы кратко представили имеющиеся подходы к трактовке указанного отрывка текста и даже дали свои предложения по возможному движению в указанных направлениях. Поэтому вернемся к указанной фразе и постараемся понять, о чем же там говорится:

古來文章，以雕縟成體，豈取騷奭之群言「雕龍」也！

А говорится здесь о трех вещах: 1) литература 文章, 2) узорочье 雕縟 и 3) «резной дракон» 雕龍. «Резной дракон» противопоставлен как некое несоответствие «литературе» и «узорочью». Это — абсурд или, мягче выражаясь, логическая неувязка, так как частное понятие противопоставляется общему (родовому). Но также получается, что «резной дракон» противопоставляется «литературе». Тоже неувязка, но только если они противопоставлены по своему содержанию как понятия, ведь литература = узорочье. Если же они противопоставлены как слова в тексте? Литература (*вэнь чжан*) выше в названии «Вэнь синь» уже поименована как *вэнь*. Это — эквивалент «узорочья», и тем не менее автор вновь повторяет понятие узорочье, но в другой словесной оболочке — «резной дракон». Следовательно, несоответствие не столько логическое, сколько стилистическое. Название трактата кажется тавтологическим, присутствие в его заглавии «резного дракона» явно избыточно. Достаточно сравнить заглавие «Вэнь синь дяо лун» с другими названиями литературоведческих трудов того времени, упомянутыми выше.

Поэтому если отбросить предполагаемый «полемический задор» Лю Се, становятся заметны некоторые особенности его отношения к Цзоу Ши. Так, на эстетическую ценность для Лю Се понятия «резной дракон» в противопоставлении «резному насекомому» (*дяо чун*) было указано Винсентом Ши [8. С. 49] и Дж. Хайтауэром [9. С. 286]. Лю Се говорит о литераторе, который жил примерно за 800 лет до него, но прозвище которого остается известным и современникам Лю Се.

Примечательно, что В. Ши и Дж. Хайтауэр в большей или меньшей степени разделяют негативную точку зрения своих китайских коллег на «украшательство» Цзоу Ши. Хайтауэр, как и В. Ши, ссылается на «Исторические записки» Сыма Цяня [10. С. 2343—2350; 11. С. 168—172] и дает в своем переводе характеристику стиля древнего литератора 難施 как «бесплодный» или «тщетный» (ineffectual) в связи с его «сверх-разработанностью» (over-elaboration), но в примечании замечает, что фраза не совсем понятная [9. С. 286]. Действительно, если прочитать 難施 как *нань ши*, то это будет «трудноисполнимый». Но иероглиф 施 может читаться и как *и*. Тогда он значит *достигать*, а бином примет значение «труднодостижимый» или «труднораспространимый». Однако вся фраза Сыма Цяня о Цзоу

Ши выглядит так: 文具難施. При этом первый бином *вэнь цзю* 文具 обозначает нечто, имеющее форму или видимость [2. Т. 4. С. 62], а вот содержание за этой видимостью может быть реальным или пустым. Содержание писаний Цзоу Ши ему не принадлежало. Как говорится в тексте Сыма Цяня, Цзоу Ши «придавал стройность» или просто «записывал» (*цзи вэнь* 紀文) сочинения философа Цзоу Яня (305—240 до н.э.), который известен своим учением о пяти элементах. Поэтому, если считать, что Цзоу Ши «литературно придавал форму трудно выполнимому», то фраза 文具難施 будет формально противоположной названию трактата 文心雕龍 — литературно придавать сердце резной форме в виде драконов. Или, с учетом наших изысканий, — в литературно-профессиональном плане методически рассматривать литературную репутацию или собственно литературу.

О влиянии фразы Сыма Цяня на заглавие трактата Лю Се можно только гадать. Но вот присутствие слов «резной дракон» в заглавии трактата Лю Се, конечно, не мог оставить без объяснения. Поэтому представляется ошибочным заявление всех комментаров, что толкование заглавия заканчивается в первом параграфе послесловия (§ 50.1). Это заявление, по-видимому, основывается на грамматическом оформлении второго параграфа, также начинающегося с начальной частицы *фу*. Но едва ли это является достаточным основанием. Просто автору потребовалось дать развернутое объяснение на целый параграф (§ 50.2) [1. С. 1899]. Главный пункт этого объяснения — обоснование присутствия слов «резной дракон», чтобы избежать нареканий современников в тавтологичности заглавия трактата. Соответственно, параграф заканчивается цитатой из «Мэн-цзы»: «Разве я люблю спорить? [Я] вынужден это делать!» [12. Гл. III. Ч. А. С. 289].

Главная мысль Лю Се состоит в том, что после смерти от человека остается только его *имя* (*мин*), т.е. слава, память, репутация. Оно крепче и долговечнее «металла и камня». В имени главное предназначение благородного мужа (*цзюнь цзы*) в этом мире или в его жизни. Имя достигается делом и словом. Оно означает выделенность человека на или из фона потока времени и массы современников. Достигается она либо умением, либо литературным творчеством. Именно в плане литературного творчества развивается идея ценности «природы» (*син*) и «духовности» или «разумности» (*лин*) человека. Эти качества обеспечивают исключительное положение человека во Вселенной, но без литературы они оказываются «бесприютными» (*бу цзюй*), т.е. незафиксированными.

Имя бесспорно понимается Лю Се как индивидуальная характеристика литератора и содержит отсылку к «Резному дракону Ши». Но вот содержание литературного творчества едва ли им рассматривается, как отражение индивидуальных «природы» и «души» автора. Наоборот, они описаны, как свойства всего человечества. И более того, они, по-видимому, должны пониматься даже уже, в конфуцианском смысле. В целом, получается, что литература представлялась Лю Се общим делом по раскрытию природы и души человечества. Однако эта задача решалась не сообща, а отдельными литераторами. Эта двучастность литературы и должна была получить отражение в заглавии трактата «Вэнь синь дяо лун».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Цзоу Ши (IV—III вв. до н.э.), литератор из царства Ци, получивший от своих современников почетное прозвище Резной дракон Ши (Дяолун Ши). Как говорится в тексте Сыма Цяня, Цзоу Ши «придавал стройность» или просто «записывал» (*цзи вэнь* 紀文) сочинения философа Цзоу Яня (305—240 до н.э.), который известен своим учением о пяти элементах. См. Русский перевод: *Сыма Цянь. Исторические записки*. В 9 т. / Пер. с китайского Р.В. Вяткина. Гл. 74 «Жизнеописание Мэн-цзы и Сюнь Цина». — С. 171—172.
- (2) Ср. перевод данного отрывка, выполненный В.М. Алексеевым. Лу Цзи. Ода изящному слову (Вэнь фу). Цит. по: *Алексеев В.М. Труды по китайской литературе*. В 2 кн. Кн. 1 / Сост. М.В. Баньковская, отв. ред. Б.Л. Рифтин. — М.: Восточная литература, 2002. — С. 367.
- Я всякий раз, когда читаю то, что творили люди с дарованием, тотчас решаю как-то про себя, что есть во мне чем постигать стремление воли их усердной.*
- А между тем, словам свободу дать, отправить в жизнь их сочетанья — для этого всего, о, было очень много у них разнообразных претворений! И все-таки о том, что нас пленяет формой иль, наоборот, уродливо для нас; о том, что я готов любить иль ненавидеть, — об этом всем, пожалуй, я имею право говорить.*
- (3) «Литературный изборник» («Вэнь сюань») — литературная антология, составлена в VI в. группой филологов под руководством наследного принца династии Лян Сяо Туна (501—531). В «Вэнь сюани» представлены 578 поэтических и прозаических произведения 129 авторов с IV в. до н.э. до начала VI в. н.э. Подробнее см.: *Кривоцова М.Е. Вэнь сюань, Сяо Тун // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. Ин-т Дальнего Востока. — М.: Вост. лит., 2006. Т. 3: Литература. Язык и письменность. — С. 255—257, 431—432.*
- (4) Вопрос замены табуированных иероглифов из имен скончавшихся императоров, когда 豈 мог бы выступать близкой фонетической заменой или недописанным вариантом другого иероглифа остается за рамками данной работы. Здесь не будет рассмотрен и связанный с этим вопрос конкретного значения иероглифа 取, который в средневековом китайском языке имел и служебную функцию по оформлению глагола продолженного времени.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лю Се. Вэнь синь дяо лун ичжэн (Трактат «Резной дракон литературной мысли» с комментариями Чжань Ина). В 2 т. — Шанхай, Гуцзи чубаньшэ. Т. 2. — Гл. 50 «Изложение намерения».
- [2] Большой китайско-русский словарь. В 4 т. / Под ред. И.М. Ошанина. — М.: Наука, 1984.
- [3] Китайско-русский словарь. — Пекин, 1977.
- [4] *Крюков М.В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. — М., 1978.*
- [5] Вэньсюань: фу каои / Сост. Сяо Туном, коммент. Ли Шаня. В 2 т. — Тайбэй, Унань тушу чубань гуфэнь гунсы 1991. Т. 1, цз. 17, с. 415.
- [6] Английский перевод Чэнь Шиисяна имеется в двух изданиях: *Essay on Literature, Written by the Third Century Chinese Poet, Lu Chi*, translated by Shih-hsiang Chen. Anthoensen Press, Portand, ME, 1953; *Anthology of Chinese Literature*, edited by Cyril Birch. Grove Press Inc. New York, 1965.
- [7] *Dragon-Carving and the Literary Mind*. Beijing, 2003.
- [8] *The Literary Mind and the Carving of Dragons* by Liu Hsieh, A Study of Thought and Pattern in Chinese Literature, Translated with an Introduction and Notes by Vincent Yu-chung Shih. New York, 1959.

- [9] Hightower J.R. Rec. ad op.: *The Literary Mind and the Carving of Dragons, a Study of Thought and Pattern in Chinese Literature* by Liu Hsieh; Vincent Yu-chung Shih // *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 22 (Dec., 1959).
- [10] *Сьма Цянь*. Ши цзи в 10 т. — Шанхай, Чжунхуа шуцзюй чубань, 1963. — Т. 7, цз. 74, с. 2343—2350.
- [11] *Сьма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) в 9 т. / Перевод с китайского Р.В. Вяткина. Комментарий Р.В. Вяткина и А.Р. Вяткина. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1972—2010. Том 7, глава 74, с. 168—172.
- [12] Конфуцианское четверокнижие («Сы шу») — М., 2004.

THE INTERPRETATION OF THE TITLE OF LIU XIE'S TREATISE *WEN XIN DIAO LONG*

Lidia Stezhenskaya

MSU, Institute of Asian and African Studies
Mokhovaya str., 11, Moscow, Russia, 125009

The paper deals with the problem of translation rendering for the title of the medieval Chinese treatise on theory of literature *Wen Xin Diao Long* (V—VI A.D.) by Liu Xie (C. 465—622). The title has been rendered in many different ways by different scholars, but these interpretations either do not comply with the grammatical system of Ancient Chinese and Russian (or any other target European language), or fail to reflect the philosophical ideas of the treatise author correctly.

Key words: *Wen Xin Diao* moons carved dragon literary thought, Liu Xie, Key Thai poetics, Chinese literature.